

Михаил Поленок

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1-го ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями.

Член РСП и МСП «Новый Современник», заместитель руководителя КРО МСП «НС». Прозаик. Номинант национальной литературной премии «Писатель года – 2022», лауреат конкурса МСП «НС» имени В. Пикуля за 2022 год. Автор 10 документально-исторических и художественных книг. Публиковался в литературно-публицистических сборниках Балтийского флота «На флаг и гюйс», альманахах литературных объединений «Остров вдохновения» (Балтийск) и «Прибрежные волны» (Прибрежный). Написал более 20 историко-документальных военно-патриотических статей, опубликованных в газете «Красногорская жизнь» Брянской области.

Из наградного листа к ордену Красной Звезды (4.10.1943 г.): «В боях за н. п. тов... 3 раза скакал на широком аллюре к боевым порядкам противника и только на 3-м разе тот открыл огонь по тов... этим самым было уточнено наличие противника в с. Пепеловка».

(ЦАМО, Ф. 33, Оп. 686044, Д. 2301)

РАЗВЕДКА БОЕМ

Рассказ

Гвардейский кавалерийский полк занимал позиции в лесопосадке, готовясь к предстоящему наступлению. Впереди тускло просматривалась укрытая осенней мглой слабопересечённая местность с порыжевшими и давно не кошеными травами да разбросанными по полю зарослями кустарника. Обманчивое затишье нависло над нейтральной полосой. Противник, подтянув резервы, спешно укреплял оборону, маскируя скрытно размещённые новые огневые точки и опорные пункты.

Вот уже трижды, по приказу командира полка, разведчики ходили за «языком», но возвращались ни с чем, понурые, понеся потери. Был убит весельчак и любимец взвода гвардии сержант Кайсымов, двоих принесли тяжело раненных. Немецкие сапёры каждую ночь продолжали усиленно минировать все подходы к переднему краю, особенно в районе возвышавшейся над местностью деревней Пепеловка. На них и нарвалась очередная разведгруппа.

Разведывательная рота располагалась обособленно, ближе к опушке, а коновязь уходила вглубь посадок. Разведчики, мрачные и неразговорчивые, с особым старанием занимались устранением мелких проблем воинского бытоустройства, ремонтом обмундирования и амуниции, чисткой оружия. Немного в стороне группа молодых кавалеристов сбрасывала накопившуюся горечь от неудач и потерь, с особым старанием обрабатывая элементы рукопашного боя и метая ножи.

– Командира разведроты к командиру полка! – доложил дежурный телефонист.

Поступивший приказ не был неожиданным, после сопутствующих разведчикам неудач все томи-тельно ждали дальнейшего решения командования.

– «Птицы» опять собираются о чём-то пощebetать, – попытался пошутить молодой кавалерист, но получилось это так неуклюже и не к месту, что он был буквально испепелён жёстким, не приемлющим шуток взглядом опытного разведчика. Иногда они позволяли себе по-доброму подшучивать над птичьим набором фамилий своих командиров, но сейчас было не время и не место.

Командир полка гвардии подполковник Скворцов задумчиво водил карандашом по карте, о чём-то мучительно размышляя. Его рука замерла на населённом пункте Пепеловка, сильно укреплённом

и находившемся на возвышении местности перед позициями полка. Добыть конкретные данные о противнике в нём и его огневых средствах не удалось.

– Присаживайтесь, Василий Иванович, – не ответив на приветствие, но уважительно предложил он вошедшему в блиндаж гвардии капитану Соколову. – Что думаете о сложившейся ситуации? – оторвавшись от карты и внимательно рассматривая подчинённого, задал вопрос Скворцов. В нём прозвучало и доверие к профессионалу разведки, и надежда с его помощью найти правильное решение задачи, поставленной командиром кавалерийской дивизии гвардии генерал-майором Петуховым.

– Предлагаю в очередной раз направить группу за «языком», – предчувствуя более тяжёлый вариант, доложил Соколов. – Для преодоления нейтральной полосы предусматриваю использовать складки местности вдоль ручья и сам ручей.

– Надеешься, что там нет охранения, а ручей не минирован? – с сомнением покачал головой командир полка.

Капитан, понимая справедливость высказанного замечания и чувствуя, что решение уже принято, молча ждал продолжения.

– Осталось два дня до наступления. Точных данных о системе огневых позиций на переднем крае противника в районе населённого пункта Пепеловка не имеем. Значит, в ходе предварительной артподготовки подавить их не сможем. Чем это грозит для полка?

Ответ на этот вопрос знал любой, даже только что прибывший необстрелянный красноармеец, поэтому в блиндаже повисла тревожная пауза.

– Разведка боем! – жёстко, как командир, но с болью, как человек, рубанул внезапно комполка. – Готовьте разведзвод. Главное – вскрыть огневые точки. Через три часа доклад предложений.

– Есть! – привычно произнёс Соколов, чувствуя тревогу, но и облегчение – решение принято.

– Людей поберегите, – не выдержал Скворцов. Недовольный, что не сдержался, он неловко махнул рукой, опять тяжело присаживаясь за стол с разложенной на нём картой.

Возвращаясь в роту, капитан озабоченно, словно перелистывая страницы книги, перебирал в памяти лица подчинённых, примеряя их боевые данные к выполнению поставленной задачи и прикидывая, как обеспечить её решение с минимальными потерями.

У коновязей группа кавалеристов занималась лошадьми: чистили, подкармливали или просто, как с людьми, общались. Эта картина всегда грела сердце Соколова, он и сам был неравнодушен к верному другу – лошади, делившей вместе с хозяином все тяготы и невзгоды войны.

Его внимание привлёк гвардии ефрейтор Григорий Зарубин, возившийся у рыжей лошади в конце коновязи. Крепкий и хозяйственный Зарубин нравился ему своей надёжностью, немногословием и основательностью выполнения даже мелких поручений. Интуиция, закреплённая суровой практикой жизни, природное чутьё помогали ему успешно выполнять разведывательные задачи, за что и был уже награждён медалью «За отвагу». Его храбрость и хладнокровие не были показными, это были внешние проявления качеств его души, созревшей и закалённой. Но многим был он и непонятен своей излишней обособленностью от коллектива, некоторой замкнутостью в общении с другими. За это и получил от разведчиков кличку Угрюмый.

Григорий всё своё свободное время проводил с лошадью, названной им Рыжик, даже спал рядом с ней. И тайну свою – был верующим, доверил только боевому молчаливому другу, своей основательностью и норовом схожему с хозяином. Многие удивлялись его необычному поведению, но и уважали Зарубина за глубокую привязанность к бессловесному животному – верному спутнику многих из них на войне.

По мрачновато-задумчивому виду командира бывалые разведчики поняли: что-то неладно. Кто-то, размышляя, тихо проговорил, как спросил: «Разведка боем?» – В его словах звучала надежда услышать опровержение. Все тревожно промолчали.

– Да, братцы, это не «языка» брать, – поскрёб за ухом пожилой седой кавалерист.

– Не гони лошадей, может, обойдётся? – прикуривая самокрутку, с надеждой и лёгкой бравадой произнёс его товарищ – молодой и безусый разведчик.

– Дай-то Бог!

– Командиров взводов, старшину – к ротному! – раздалась команда.

Разведчики сразу притихли, посерьёзнев. Ожидали решения своих командиров. Они хорошо понимали, что от этого решения зависят их жизни, но уже привыкшие к суровым законам войны, требующим в первую очередь выполнения поставленной задачи, ждали очередного непростого для них приказа.

– Что-то серьёзное намечается, – не выдержал один из них.

– Может, «языка» опять пойдём брать? – в голосе говорившего теплилась слабая надежда.

– Вовремя нужно было брать, – прозвучало с сожалением.

Каждый из них что-то не договаривал, ещё надеясь на лучшее, боясь спугнуть эту слабую надежду.

– Не ломайте понапрасну головы, для этого есть начальники, – шутливо, чтобы разрядить обстановку, бросил сержант. – Егор, доставай кисет. Что прячешь? Табачок у тебя отменный, сладкий, – похвалил он.

В его голосе с хрипотцой чувствовалось волнение, но солдатский кисет всегда приносил разрядку. Довольные разведчики потянулись к его обладателю.

Офицеры, кроме командира 1-го взвода старшего лейтенанта Свиридова, вышли от ротного. Они на ходу, молча и торопливо, прикуривали. Разведчики из 1-го взвода без слов поняли: их судьба решена.

От взгляда Григория не укрылись необычное поведение их командира роты после возвращения с командного пункта полка и тревога товарищей, да и чутьё он имел от природы звериное. Наряду с крестьянской простотой, многое в нём было от опытного волка-одиночки. Он быстро сообразил, какое решение принято командованием, а появление мрачного командира 1-го взвода подтвердило худшие опасения. Его руки нежно гладили любимого Рыжика. Сам же он, погрузившись в тяжёлые размышления, даже не замечал, как бархатистые и тёплые губы лошади продолжали трепетно касаться его лица.

Наконец очнувшись и глубоко вздохнув, отрывая от себя что-то родное и близкое, он решительно направился к землянке капитана Соколова. Его медвежья мягкая походка не привлекла внимание даже опытных разведчиков, коротавших время у небольшого костра.

– Товарищ капитан, разрешите мне провести разведку? – без предисловий обратился он.

– Какую разведку и с кем? – Соколов понимал, что от таких гвардейцев трудно скрыть принятое решение, да оно уже и состоялось, но был удивлён инициативой именно Угрюмого.

Он даже вспомнил совет представителя особого отдела штаба дивизии: «Присмотритесь к Зарубину, не спешите брать в разведку».

Соколов как командир разведроты знал основные тяжёлые моменты прошлой жизни подчинённого, прибывшего из запасного стрелкового полка. Присматриваясь к нему как бывшему заключённому, он всё более удивлялся простоте и чистоте его души, облачённой во внешнюю сухость характера.

– Разведку боем, в одиночку, – спокойно доложил ефрейтор.

– Как в одиночку? Здесь даже взводом – надо обмозговать!

– Все мужчины – охотники, используем охотничий азарт врага.

– Докладывайте! – уже заинтересовался капитан. Выслушав Зарубина, он задумался. – Григорий Фёдорович, это же верная смерть! – сочувственно, не по-командирски вырвалось у него.

Уважительное обращение из уст командира и прозвучавшая в его словах тревога тронули Зарубина. К тому же он никак не мог привыкнуть к величанию по отчеству, с трудом воспринимая даже полное звучание своего имени. В родной деревне все его звали кратко и просто – Заруба, в лагере – Молчун, здесь же – Угрюмый, с чем он давно свыкся, воспринимая спокойно, как должное.

– А как же взводные разведчики? Славные ребята! В чём их вина? Погибать зазря никто не хочет, – делился своими мыслями ефрейтор. – Ничего, командир, живой думает о жизни, – успокоил он.

– Хорошо, доложу комполка, но времени мало.

Скворцов не сразу, но в надежде, как и Соколов, выполнить задачу и сохранить жизни разведчиков, разрешил попытать удачу – чем чёрт не шутит, однако в резерв приказал готовить взвод.

Мало кто обратил внимание, как тщательно ухаживал в этот вечер Угрюмый за своим Рыжиком, обхаживая со всех сторон, причёсывая и приглаживая. Затем тайно нащёптывал ему что-то в ухо, а тот понятливо взмахивал головой и тряс гривой. Все уже давно привыкли к этим картинам, не удивляясь даже, когда лошадь и всадник вместе падали на землю, а потом так же согласованно были на ногах. Рыжик, привыкший к хозяину, сразу отзывался на его свист и даже без повода готов был днями ходить за ним. В конце дня, завершая подготовку, Григорий привычно дотронулся до спрятанного нательного крестика и мысленно прочитал молитву «Отче наш».

Зависшая серая дымка, лениво клубясь, медленно приоткрывала изуродованную взрывами и перекопанную людьми землю. Занималась бледная заря нового дня. Нейтральная полоса замерла, очерченная с обеих сторон зигзагами траншей и окопов, ощерившись огневыми средствами.

Капитан Соколов с тревогой и нарастающим волнением всматривался через окуляры бинокля, внимательно просматривая ничейное пространство перед ним. Наблюдательные посты, заранее вы-

ставленные им, также отслеживали изменения, фиксируя любые перемещения и действия противника. Мощная оптика, резко сокращая расстояние, переносила Соколова на линию немецкой обороны. Заметив мелькавших в ходах сообщения вражеских солдат, он понял, что начата смена нарядов на передовых постах, и подумал: «Пора!»

Фигура всадника, внезапно налётом вылетевшего с фланга вдоль нейтральной полосы на открытую местность, представляла собой дикую и несуразную картину. Человек и лошадь, играя со смертью, неслись по обожжённой и израненной, но пока ничейной и страшной полосе, с обеих сторон которой их рассматривали в прорезь прицелов. Они были едины – всадник и рыжей масти лошадь, слитые в один сгусток живой энергии и дикого задора.

Нейтральная полоса молчала, притихнув. Головы фашистов в рогатых касках показались из укрытий. Обескураженный противник с интересом и любопытством, как острое представление, наблюдал за лихим наездником. Так жаждающие охотники, испытывая воздействие адреналина, со сладостной дрожью наблюдают за дичью, чтобы, насладившись властью над самой сутью жизни, нанести роковой удар.

Шашка, выхваченная твёрдой рукой конника, вылетела из ножен, полоска стали змеей заискрилась в воздухе. Зарубин джигитовал лихо, с посвистом, бахвалясь и не скрывая этого, откровенно издевался над противником.

Из вражеских окопов раздался первый выстрел, кто-то уже не выдержал прямой насмешки.

– Эх, срубят ни за понюшку табака, – переживая, выдохнул какой-то кавалерист, сжимая карабин в руке.

– Не каркай! – шёпотом, боясь чем-то навредить Григорию, зло и грубо перебил его сосед у противотанкового ружья. – За нас старается, «живота не жалея».

– Поддержать бы огоньком «максима», было бы кстати, – нетерпеливо и с сожалением заметил 1-й номер станкового пулемёта.

– Не велено! – ответил хмуро сержант.

– Начальству виднее, – согласился 2-й номер «максима».

«Не напоролся бы на мины», – забеспокоился Соколов, нетерпеливо отслеживая противника. Его огневые точки пока молчали. Капитан начал уже тревожиться: «Вдруг замысел не сработает?»

Зарубин резко бросил шашку в ножны и лихо выхватил кавалерийский карабин. Нет, не зря он всю жизнь увлекался охотой да рыбной ловлей. Удачный выстрел карабина достойного стрелка, к тому же с близкого расстояния, обозлил противника, заставив перейти к ответным активным действиям. Громкий выстрел карабина уже не был продолжением прежней ребячьей забавы, это была открытая и опасная борьба с врагом, заведомо неравная дуэль.

В ответ хлётко ударили винтовочные выстрелы, за ними застрекотали автоматные очереди, дробью гулко застучал пулемёт. Противник распался, явно входя в азарт.

Скачущий широким аллюром всадник, кажется, был лёгкой мишенью, но его быстрое перемещение вдоль линии фронта требовало такого же мгновенного переноса точки прицеливания, значительно усложняя задачу.

Рыжик стлался вдоль земли, падал по приказу хозяина, использовавшего лёгкие складки местности, замирал и снова летел вперёд на виду у противника. Каждое падение вызывало восторг «охотников», а подъём – удивлённое ожесточение врага. Азарт, желание справиться со сложной и необычной мишенью расширяли круг стрелков. Это была смертельная игра в «кошки-мышки». Все понимали, что финал будет один. Даже у загнанного зверя есть надежда, здесь её не было, но разведчики втайне верили и ждали чуда.

Своевременные броски, повороты и падения подтверждали полное подчинение, уступчивость умной лошади езде и его левой руке, твёрдо ухватившей поводья: рука левее – лошадь вправо, правее – влево.

Гитлеровцы уже остервенели от наглости жертвы. Передний край засверкал вспышками выстрелов. Шлёпнулась с большим перелётом первая мина.

«Не выдержали и миномётчики, – обрадовался капитан. – Ключули! Сработало! Пора уносить ноги», – подумал он и дал команду: «Ракета!.. Дымзавесу!»

Григорий сначала не почувствовал, а затем ощутил неуправляемый карьер верного Рыжика – поводья выпали из повисшей левой руки. Изувеченная кисть обагрилась кровью, обрубки пальцев неестественно торчали в разные стороны. Вокруг падали мины... Земля беззвучно вздыбилась под лошадью...